

УДК 574:551.46:556.51(262.5)

ГЕОГРАФИЯ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

© 2016 Д.Я. Фашчук¹, М.И. Куманцов²

¹Институт географии РАН, Москва, Россия

²Всероссийский НИИ рыбного хозяйства и океанографии, Москва, Россия
e-mail: fashchuk@mail.ru

Поступила в редакцию 16.02.2016 г.

Выполнен ретроспективный исторический анализ развития рыболовства в Черном море в России со времени падения Крымского ханства в 1783 г. до 1917 г. Проанализированы структура и видовой состав промысловых биологических ресурсов Черного моря. Исследованы география, состав уловов, масштабы и способы добычи рыбы в период стихийного промысла. Проведен сравнительный анализ количественных и качественных его показателей в основных рыбопромысловых районах Северного Причерноморья и на побережье Кавказа. Отмечается, что к концу XIX в. Россия ежегодно добывала в Черном море более 40 тыс. т рыбы ценных пород (скумбрии, осетровых, сельди, кефали, барабули). К 1914 г. по причине бесконтрольного промысла ежегодный вылов сократился до 10 тыс. т. При этом на всем побережье Крыма стал развиваться промысел “малоценных” видов. В 1906–1913 гг. добыча хамсы вышла на первое место по весу улова среди всех видов рыболовства.

Ключевые слова: Черное море, рыболовство, Российская Империя, география промысла, объемы добычи, видовой состав уловов.

С древних времен до начала XX в. использование человеком биологических ресурсов Черного моря носило в основном стихийно-потребительский (для собственных нужд) характер. Практически до конца XIX в. товарные (рыночные) отношения развивались только в отдельные периоды природного изобилия биоресурсов и в отдельных, удобных по природным условиям локальных районах побережья. Только в течение последних 100 лет этот процесс в нашей стране стал приобретать регулируемый государством товарный рыночный характер [12].

Значительную роль в развитии черноморского рыболовства России в XX в. сыграли социально-политические и экономические кризисы, происходившие как в нашей стране, так и во всем Мире. Революция и войны, перестройка и распад СССР имели свои как отрицательные (сокращение промысла), так и положительные (естественное восстановление рыбных популяций) последствия для состояния запасов промысловых объектов, интенсивности и объемов их добычи. Новейшие геополитические события 2014 г. (вхождение Крыма в состав Российской Федерации) также, безусловно, будут иметь свои как экономические, так

и экологические последствия в плане освоения, охраны и восстановления биологических ресурсов Черного моря.

Анализ географо-экологических аспектов развития российского черноморского рыболовства, который авторы начинают с данной статьи, может стать основой для понимания причин настоящего состояния и оценки перспектив развития одной из важнейших отраслей народного хозяйства России – рыбной промышленности.

Биопромысловый потенциал Черного моря. Видовой состав черноморских гидробионтов различных трофических уровней изменялся на протяжении всей геологической (более 30 млн лет) истории эволюции Черного моря. В течение этого периода Понто-Каспийский бассейн периодически изолировался и вновь связывался с Мировым океаном (древним океаном Тетис) – менялась его соленость (от 3–4 до 20–22‰) и, соответственно, видовой состав обитающих организмов [20]. В итоге в современном Черном море сформировался и существует до настоящего времени уникальный комплекс гидробиологических (фито- и зоопланктон, фито- и зообентос) организмов и более 300 видов представителей ихтиофауны (рыб), из

которых в разные периоды современной истории водоема лишь около 30 видов имели промысловое значение.

Современный биопромысловый потенциал Черного моря включает четыре типа гидробионтов различного происхождения: *морские* – весь жизненный цикл которых протекает в море; *речные* – обитающие только в низовьях рек и водоемах речных дельт; *полупроходные* – нагуливающиеся в опресненных участках моря, а размножающиеся в дельтах рек; *проходные* – обитающие до половой зрелости в море, а для размножения мигрирующие в реки.

Промысловые виды рыб Черного моря также разделяют на четыре группы, различающиеся экологией и генезисом [18]:

- собственно морские тепловодные: мигрирующая в летнее время в Азовское море хамса (европейский анчоус) *Engraulis encrasicolus*; мигрирующие летом в Черное море из Мраморного скумбрия *Scomber scomber*; ставриды *Trachurus trachurus* и *Tr. mediterraneus*, пелагида *Sarda sarda*, луфарь *Pomatomus saltatrix*, тунцы *Thunnus thunnus*; постоянно живущие в Черном море кефали: лобан *Mugil cephalus*, сингиль *Liza aurata*, остронос *Liza saliens*; барабуля *Mullus barbatus ponticus*; сарган *Belone belone euxini*; морские караси *Sparidae spp.*; горбыли *Sciaenidae spp.*; скат морской кот *Dasyatis pastinaca*.

- морские умеренно-холодноводные: шпрот *Sprattus sprattus phalericus*, мерланг *Merlangius merlangius euxinus*, несколько видов камбалы – *Psetta maxima maeotica*, *Scophthalmus rhombus*, *Platichthys flesus luscus*; песчанка *Gymnammodytes cicerellus*; катран *Squalus acanthias*; скат морская лисица *Raja clavata*.

- солоноватоводные: тюлька *Clupeonella cultriventris*, бычки *Gobiidae spp.*, перкарина *Percarina maeotica*.

- анадромно-пресноводные: осетровые *Acipenseridae spp.*, сельди *Alosa spp.*, судак *Stizostedion lucioperca*, лещ *Abramis brama*, тарань *Rutilus heckeli*, сом *Silurus glanis*.

В периоды расцвета рыболовства в Черном море на разных этапах античной (VII в. до н. э. – первые века н. э.), средневековой (XIII–XV вв.) и части новой (с конца XVIII до начала XX в.) истории, видовой состав основных объектов промысла оставался практически постоянным [12]. Но по мере интенсификации практически бесконтрольного промысла, а также по причине природных колебаний динамики численности основных промысловых объектов и экологических условий

Рис. 1. Геополитическая карта побережья Черного моря до 1783 г.

в Черном море, в начале XX в. и на всем его протяжении структура сырьевой базы рыбного хозяйства и объемы добычи неоднократно существенно изменялись.

Рыболовство после падения Крымского ханства (1783 г.) до начала XX в. *Казацкие “Ачужские ловы” и “откупной” промысел.* В результате русско-турецких войн в 1783 г. вышел манифест Екатерины II “О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу”. Крымское ханство прекратило свое существование (рис. 1).

В 1784 г. профессор университета в Галле И.Э. Туннманн в работе “Крымское ханство” отмечал: “Ничего не может быть более обильным рыбой, чем Черное и Азовское моря у берегов Крыма”. Это богатство, кстати, отражено во многих географических названиях этого региона. Азовское море, например, у половцев – Кара-Балук (“родина рыбы”), у татар – Чабак-Денгиз (“море лещей”), у османов – Балук-Денгиз (“рыбное море”), а название бухты у турок Балаклава – “рыбный пруд” [5].

Тем не менее, в первом научном исследовании новых территорий Российской Империи – “Физическое описание Таврической области по всем трем царствам природы”, выполненном К.И. Габлицем в 1785 г., о состоянии рыболовства в данном районе речь не шла, так как не было в ту пору и самого рыболовства – в конце XVIII в. в Крыму насчитывалось 1474 деревни, а население Крымского полуострова составляло около 60 тыс. человек, основным занятием которых было разведение коров и овец.

До 1783 г. только на восточном побережье Азовского моря в устье р. Протоки у города Ачу-

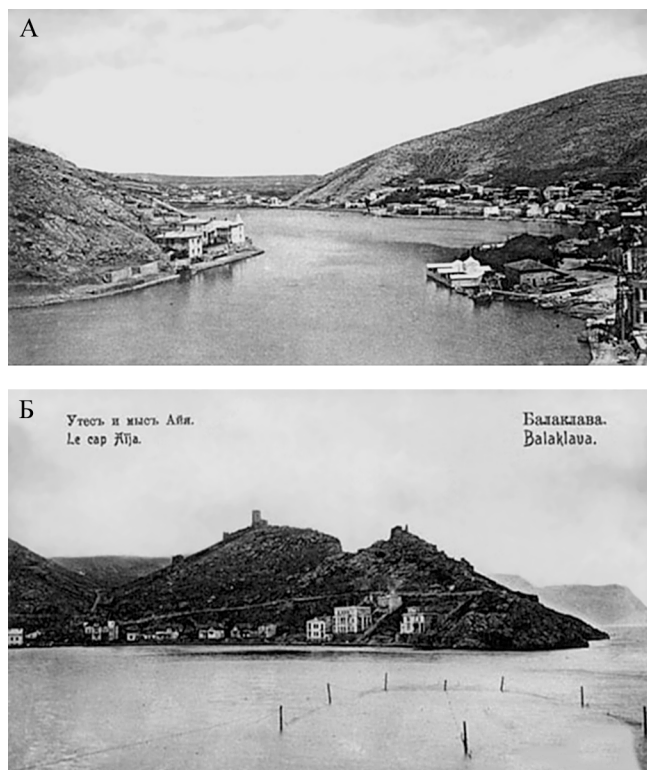

Рис. 2. Балаклавская бухта (А) и мыс Айя (Б) в конце XIX в. [23].

Б – на переднем плане установленная в море скипасть.

ев существовали так называемые “ачуевские ловы” – налаженное турками рыболовство. После присоединения Крыма к России и создания Таврической губернии Екатерина II подарила эти промыслы князю Потемкину. Но в 1792 г., когда вновь приобретенные кубанские территории были отданы бывшим запорожским казакам, князь Потемкин подарил им “ачуевские ловы”. Воды этого района моря стали общевойсковой собственностью, а добыча здесь рыбы вплоть до 1834 г. для казаков стала служебной повинностью – “лов ачуевский составлял всегда, так сказать, войсковую регалию” [5]. Доходы от него шли только в казну войска.

Пионеров рыбного промысла на Черном и Азовском морях – казаков в 1790-х гг. потеснили государственные “царевы люди”. Среди них оказался академик П.С. Паллас. В 1793–1794 гг. он совершил поездку по Крыму и побережью Кавказа, по результатам которой было выполнено первое описание (94 вида) рыб южно-русских морей.

В это время в Бессарабской (Одесса – устье Днестра), Херсонской (южный берег Кинбурнской косы, Тендровская коса, Каркинитский залив), Екатеринославской (Азовское море) и Таврической (Южный

берег Крыма и западное побережье Кубани) губерниях население побережья добывало только один вид рыбы – скумбрию. Жители Крыма именовали ее “макрелью”, а в других районах побережья за буйный нрав ее называли “баламут”.

Только через полвека после путешествия Палласа – в 1833 г. К.Р. Семякиным было составлено первое описание рыбных промыслов в устьевом районе Дуная. К этому времени рыболовство здесь велось по принципу “откупного содержания” – откупщики (хозяева) лиманных и морских рыболовных участков давали возможность за плату (1/8 доля улова) всем желающим ловить рыбу. Существенное расширение масштабов и видового состава “сырьевой базы” российского рыболовства в Черном море в рамках “кустарного” прибрежного промысла произошло только со второй половины XIX в.

Рыболовство “крымских греков” и “купецкий промысел”. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. в Балаклавской бухте (рис. 2) был расквартирован греческий батальон, состоявший из крымских греков. После окончания войны батальон был упразднен, а жителям Балаклавы предоставлялась в пользование бухта [5]. В результате, со второй половины XIX в. балаклавские греки-рыбаки первыми на Черном море начали промышленный лов белуги, осетров и других массовых в то время видов рыб, а в 1894 г. общий вылов одной только белуги на побережье Крыма уже составил 30 тыс. пудов (491 т, 1 пуд = 16.34 кг). Для сравнения – в 1963 г. на Казантипе (Азовское море) было поймано всего 4500 пудов (73 т) красной рыбы.

В 1870 г. здесь был налажен промысел султанки или барабули, которую продавали в Симферополе, Ялте, Севастополе по 5 руб. за 1000 шт. Другим видом промысла был также и лов кефали. В 1860-х гг., например, в прибрежных водах от Каркинитского залива до Керчи стояло 9 “кефалевых заводов” – устройства из сети на кольях, устанавливаемые в море на пути миграции рыбы с наблюдателями за заходом рыбы на специальных морских вышках-помостах. К концу века на всем побережье Крыма было уже более 40 таких конструкций.

О высокой численности некоторых видов рыб в отдельные годы возле Крыма можно судить, например, по свидетельствам очевидцев событий того времени: “сельдей в Феодосии случается иногда такое множество, что женщины собирают их руками по берегу моря и уносят домой столько, сколько каждая в состоянии с собой взять” [10].

В 1859 г. во время осенней миграции в Балаклавскую бухту в таком огромном количестве зашла хамса, что, по словам местных жителей, “не было видно воды” [5].

В 1863–1864 гг. по поручению Министерства Государственных имуществ России инспектор сельского хозяйства Н.Я. Данилевский объехал побережье Азовского моря от Тамани до Керчи, а также побережье Южного берега Крыма и Анатолии с целью оценки состояния рыболовства у казаков Кубанского, Донского и Черноморского войска и населения северного и южного Причерноморья. В отчете о поездке он отметил, что в обследованных районах “не упоминая о рыбах, не употребляемых в пользу человека, по их мелкости или по другим причинам, ни о тех, которые хоть и употребляются, но по своей чрезвычайной редкости, не имеют никакого промыслового значения, – насчитывается все еще от 50 до 60 пород, составляющих предмет более или менее значительного лова...” [5].

Промысел велся в многочисленных небольших бухтах побережья Южного берега Крыма и северо-западного шельфа в конце лета – начале осени (август–октябрь), где добывали “заводами” кефаль. Ее общий вылов составлял 3–4 млн шт. в год. Зимой же у входа в бухту перемётами (подольниками) ловили на крючья большую камбалу-калкан, а с марта на всем побережье до Ялты (рис. 3) ее промыслили ставными сетями.

С июля к берегам Крыма “наваливала” скумбрия. Ее тоже ловили заводами. В 1866 г. два таких завода добыли “в три приема” 360 тыс. рыбин, а “в некоторые годы вынимают и до полумиллиона штук скумбрий”. Тем не менее в эти годы основной лов скумбрии и кефали велся не вдоль крымского побережья, а на всем побережье северо-западной части Черного моря, где в то время насчитывалось от 69 до 84 “заводов”. Ловили здесь скумбрию и с лодок простыми морскими неводами с мая по октябрь – до 100 тыс. шт. в один невод. Бочка высотой в 1 аршин (72 см) и в диаметре у дна 11 вершков (около 50 см, 1 вершок = 4.45 см) вмещала 4–5 тыс. шт. мелкой скумбрии – “чируса”, до 3 тыс. шт. средней – “чибрика” и 1100–1400 шт. крупной скумбрии – “баламута”.

К северу от Килийского гирла Дуная с января 1831 г. до января 1834 г. рыбная ловля была поделена на 7 участков, отданных на откуп местным жителям. В дальнейшем их владельцами становились “сторонние люди” – суражский купец Широков (до 1847 г.), одесский купец Гедульд (до 1858 г.), каменец-подольский купец Крайз

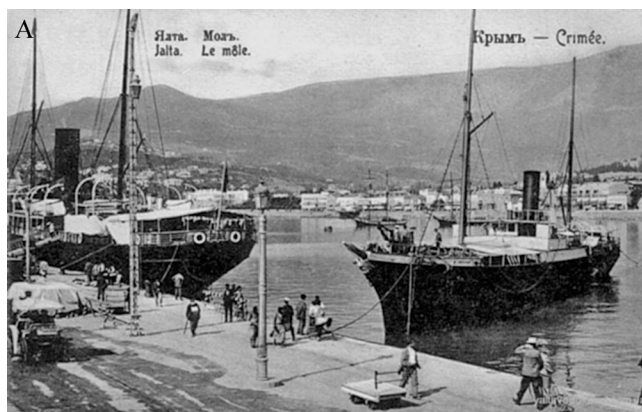

Рис. 3. Ялтинский мол (А) и набережная (Б) в начале XX в. [24].

(до 1863 г.). По странным дипломатическим обстоятельствам, несмотря на то, что после Крымской – “восточной”, войны Бессарабия отошла от России к Молдавии, воды взморья Дуная в районе Вилково (от северной протоки – Гусиног Дуная, до Георгиевского гирла) оказались под властью Турции. Благодаря этому обстоятельству (по данным турецкой статистики) теперь точно известно, что, например, в 1866 г. здесь было поймано 27 тыс. пудов (442 т) белуги и 137 тыс. шт. крупной сельди. Купец же Широков в 1843 г. поймал в своих владениях 26 тыс. пудов (426 т) белуги, 3 тыс. пудов (49 т) осетра и 400 пудов (6.5 т) севрюги. Общая сумма добычи всех сортов рыбы (белуги, севрюги, осетра, сельди) в этом районе в 1867 г. оценивается Данилевским в 150 тыс. пудов (около 2.5 тыс. т).

Лиманное кефалеводство. В Черноморском бассейне этот вид рыбного хозяйства имеет многовековую историю. Для выращивания кефали использовались воды лиманов северо-западной части моря от Дуная до Тендры, лиманы полуострова Тамань между Керченским проливом и Анапой, а также в Крыму (оз. Тобечик) и на Кавказском побережье (оз. Палеостомы, Черно-

морское, Нурие-Гель, Начури и др.). К началу XX в. общая площадь водоемов Черноморского бассейна, задействованных под пастбищное товарное кефалеводство, составляла около 200 тыс. га [22].

На протяжении столетий годовики кефали (в основном сингиля – *Liza aurata Risso*), перезимовавшие в море, весной по протокам, прорвам и искусственным каналам (ерикам) заходили в лиманы и к осени нагуливались здесь до товарного веса – 110–120 г. Во время осенней миграции рыбы из лимана в море ее вылавливали в устьях каналов и проток специальными, сплетенными из тростника, ловушками – *гардами*.

Первое такое рыбоводное хозяйство в северо-западном Причерноморье существовало на Будацком лимане еще со времен турецкого владычества. В те времена Будацкое озеро соединялось тремя ериками с Днестровским лиманом. В 1858–1865 гг. здесь действовало свыше 100 ериков, в которых ежегодно вылавливали от 500 до 700 тыс. шт. кефалей общим весом до 105 т [5].

Рыбный промысел “у берегов Севастопольского градоначальства”. В 1890 г. в журнале “Вестник Рыбопромышленности” В. Люксембург опубликовал статью “Очерк рыболовства у берегов Севастопольского градоначальства”, в которой вслед за Н.Я. Данилевским констатировал, что черноморское рыболовство до середины XIX в. “...как в сравнении с азовским, так и абсолютно было ничтожным”. При этом автор отмечал, что “... с тех пор многое изменилось, и рыболовный промысел на Черном море возрос на столько, что с ним надо считаться, как с важным в народном хозяйстве фактором, тем более, что он может и будет возрастать, в особенности с постепенно происходящим упадком речного рыболовства, песенка которого у нас уже спета” [13]. Для развития и “упорядочения” рыбного промысла в Одессе создана комиссия. Ее члены впервые в истории Российского государства приняли решение ходатайствовать перед Министерством государственных имуществ о фундаментальных исследованиях состояния дел в будущей важнейшей отрасли народного хозяйства страны – промышленном рыболовстве. Автор статьи сделал практически первые статистические оценки состояния промыслового рыболовства в “очень маленьком районе (на протяжении всего 35 верст по берегу) всего Черного моря, – Севастопольском градоначальстве...”.

В 1888 г. промышленный лов рыбы на этом участке продолжался с августа по апрель, а из 18 объектов

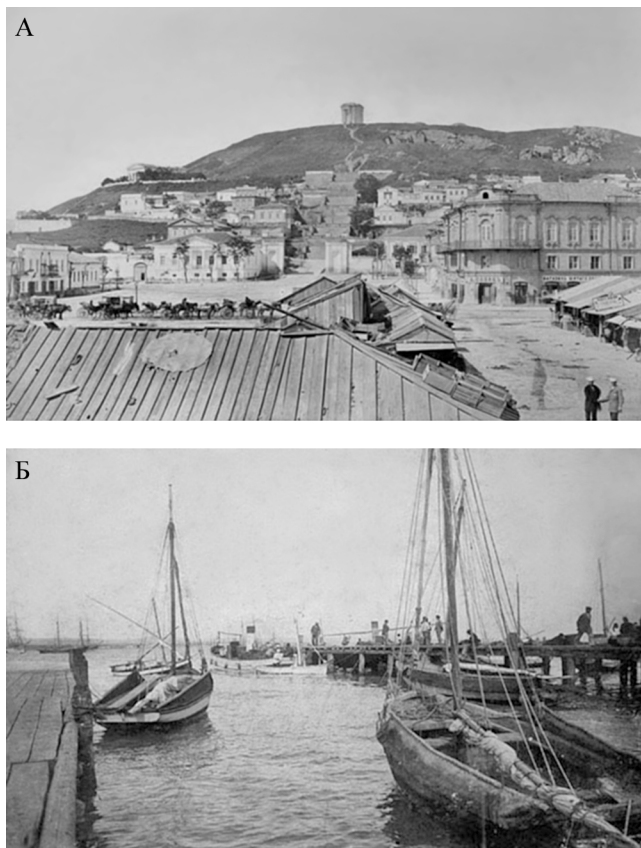

Рис. 4. Порт Керчь в конце XIX в. [25].

А – гора Митридат, на ее вершине – Музей древностей. Митридатская лестница. Предтеченская площадь (в настоящее время пл. Ленина) и рыбный базар; Б – керченский рыбный причал.

добычи главными были: скумбрия, кефали, сельди, хамса, камбала, султанка и красная рыба (таблица). Лов производили 100 рыбаков в Севастополе и 50 – в Балаклаве. Принимал рыбу завод в Стрелецкой бухте Севастополя, а также 8 заводов в Балаклаве и в бухте Ласпи. При этом в августе начинался ход лобана и остроноса; в середине сентября подходила к берегу скумбрия (макрель); в октябре начинали ловить мелкую кефаль (сингиля), камбалу, султанку; в начале марта ловили сельдь, а с появлением хамсы – с октября по апрель ловили красную рыбу (осетра, белугу, севрюгу, семгу (*Salmo labrax*)). Выручка, полученная от такого промысла, составила 175 тыс. рублей: по 800 рублей от каждой лодки и по 6 тыс. рублей от каждого завода. Большая часть добытой рыбы в 1888 г. сбывалась в свежем виде в Севастополе, а остальная – вывозилась по железной дороге (18 989 пудов – 311 т свежей и 21 539 пудов – 353 т сельдей) и морским путем (30 000 пудов – 491 т).

“Сельдяной лов” в Керченском проливе. По доходам городов от рыбной торговли Тавриче-

Таблица. Периоды традиционного российского рыбного промысла в различных районах побережья Крыма в конце XIX – начале XX вв. (по [1])

Керченский пролив												
Вид рыбы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Хамса												
Сельдь												
Скумбрия												
Султанка												
Бычки												
Осетровые												
Камбала												
Ставрида												
Сингиль*												
Лобан*												
Ялта–Феодосия												
Вид рыбы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Белуга												
Сингиль												
Лобан												
Камбала												
Сельдь												
Скумбрия												
Султанка												
Севастополь–Балаклава												
Вид рыбы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Белуга												
Кефаль	сингиль					сингиль-лобан			тах			
Камбала			тах									
Хамса												
Сельдь												
Скумбрия												
Чирус**												
Султанка												
Тарханкутский район (западный Крым)												
Вид рыбы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Осётр												
Кефали												
Скумбрия												
Камбала												
Бычки												

Примечание: * – вид кефали, ** – мелкая скумбрия.

скую губернию опережала лишь Астраханская. По результатам обследования Таврического земства в 1893 г. рыбной столицей Азово-Черноморского бассейна была Керчь (рис. 4). Об этом свидетельствуют цифры годовых доходов городов губернии от рыбных промыслов: Керчь – 12 038 руб., Феодосия – 216 руб., Балаклава – 133 руб. В Керченском проливе в то время основным был промысел

сельди, ловившейся у крымского берега на трех участках: на Еникальской косе (северное устье пролива), принадлежавшей г. Керчи; в Камыш-Бурнском заливе (центр пролива), принадлежавшем помещице Оливе, и в Эльтигене (южная часть пролива), принадлежащем г-ну Гурьеву. В этих местах осенью в промышленных масштабах ловили неводами и ставными сетями азово-черноморскую и

донскую (керченскую) сельдь¹ – до 5–10 млн шт. в год [5].

В первой трети сентября в северной части пролива (Еникале, Опасное) появлялась первая – “снетковая” сельдь-двухлетка. Основной объект ее питания в Азовском море – мелкая рыбка снеток (атерина), а также хамса.

С половины октября в проливе появлялся “пузанок”, сельдь-трехлетка, а за ним следовала крупная сельдь-четырёхлетка. На Дону ее называли “мерной”. Ее ход через Керченский пролив длился до появления в воде ледяного “шороха” (шуги). В северной части пролива лов после этого прекращался, а в южном – более теплом устье, рыба задерживалась и при ветрах южной четверти очень часто возвращалась в пролив, где ее ловили в районе Эльтигена и в Камыш-Бурунской бухте.

В середине ноября и до конца зимы сельдь начинали ловить в Феодосии, а также в бухтах Анапы, Новороссийска, Пицунды. В Сухумской и Батумской бухтах сельдь появлялась в середине декабря и ловилась весь январь и февраль.

В марте начиналось возвращение сельди в Азовское море, и уже с апреля ее промысел велся по лиманам и косам Таганрогского залива, а с мая лов продолжался в устье Дона.

Побережье Кавказа. На восточном побережье Черного моря к концу XIX в. (1870 г.) промысел вели только турецкие рыбаки по причине малочисленности здесь русского населения. Из-за отсутствия у рыбаков крымского побережья (кроме Балаклавы и Ялты) лодок, в 1860-е гг. лов хамсы здесь развивался слабо. Значительно более активным он был в это время в Сухум-Кале и у берегов Малой Азии (Карасунд, Самсун, Трапезунд) – до 3000 пудов (около 50 т) хамсы за ночь. Турецкие рыбаки были значительно лучше обеспечены плавсредствами, чем отечественные.

¹ В морях Западной Европы, а также в Черном море и на Каспии, обитает несколько видов рыб из многочисленного семейства сельдевых, отнесенные К.М. Бером к роду *Alosa*. В отличие от сельдей другого рода – *Clupea*, весь жизненный цикл которых проходит в соленой воде северных морей, нерест представителей рода *Alosa* протекает в пресной речной воде. Азовской или керченской сельдью называют рыбу, добываемую в Азовском море и Керченском проливе. Но место ее рождения – река Дон и другие, впадающие в Азовское море реки (кроме Кубани), лиманы и мелкие бухты Таганрогского залива. В течение жизни этот вид держится попеременно то в Черном, то в Азовском морях. Так, с приходом осени сельдь начинает миграцию из Азовского моря через Керченский пролив в Черное и перемещается вдоль черноморского побережья вплоть до Феодосии – на запад, и до Батуми – на восток.

Промысел белуги также был сосредоточен в восточной части Черного моря – в реках Риони, Хопи, Ингури и на их взморье. В феврале–марте здесь начинали ловить этот вид осетровых на крючья. С апреля шли шип и севрюга, а около середины мая появлялся осетр. Всего за сезон около 400 человек выставляли до 40 тыс. крючьев. Каждые 5 тыс. крючьев давали в среднем 30 пудов (491 кг) икры, суммарный годовой улов составлял 250 пудов (4 т) икры и 3–4 тыс. пудов (до 65 т) красной рыбы [13].

Рыболовство начала XX в. (до 1917 г.). В упомянутой выше статье В. Люксембурга автор впервые формулирует один из основных принципов рационального природопользования и государственного контроля за ведением промысла. Он отмечает, что успешность добычи рыбы зависит от многих природных факторов (ветра, течения, температуры воды). Тем не менее: “...это такие препятствия, с которыми человек не в силах бороться; но главное зло коренится в самих тех способах, которые применяются к рыбной ловле; в них видны лишь проявления человеческого эгоизма и хищнические наклонности, на что и следует обратить особое внимание”. При этом дается первая практическая рекомендация для рационализации черноморского промысла и, следуя современной терминологии, для сохранения устойчивого развития промыслового потенциала района: “При установлении правительственного надзора за рыболовством на побережье Крымского полуострова, количество улова рыбы увеличится по крайней мере втрое, так как в настоящее время из всех занимающихся рыбным ловом лиц две трети ловят хищническим способом (загоняя рыбу в сети с помощью шумовых приспособлений – авт.), чем отгоняют от берегов и бухт по меньшей мере 75% идущих вдоль берегов стад рыбы”.

Тем не менее отсутствие правил рыболовства и господство частного кустарного рыбного промысла в Азово-Черноморском бассейне в конце XIX – начале XX вв. привело к тому, что к началу Первой мировой войны здесь произошло резкое сокращение добычи рыбы. По данным разных авторов, в Азовском море суммарный вылов снизился с 90 до 35, а в Черном – с 47 до 10 тыс. т [15, 21].

В начале XX в. Таврическое земство повторило оценку состояния рыболовства в прибрежных черноморских водах России. Выполнил ее морской биолог, в будущем основатель российской гидробиологической науки – кафедры гидробиологии МГУ, С.А. Зернов – в то время старший зоолог первой в России Севастопольской Биологической станции, основанной в 1871 г. (рис. 5). Результаты этих исследований были отражены в 1902–1913 гг.

Рис. 5. Севастопольская биологическая станция Императорской академии наук в 1911 г. [7] (в настоящее время Институт биологии моря РАН).

во многих публикациях автора, из которых наиболее важная – [7].

В 1910 г. состоялся III Всероссийский съезд рыбопромышленников, на котором впервые было предложено деление рыболовных угодий на *“районы большого и малого рыболовства”*. Первый тип угодий имел общегосударственное значение – рыболовство здесь велось в промышленных масштабах, его продукты вывозились за пределы района. Второй тип угодий имел местное значение – рыбный промысел здесь был подсобным, а улов полностью использовался в пределах района [15].

Черноморский район относился к первому типу и включал три подрайона:

– *Дунайский* – российская часть дельты Дуная и вся северо-западная мелководная часть моря;

– *Крымский* – черноморское побережье южной части Крыма;

– *Черноморско-Кавказский* – воды восточной части моря, омывавшие берега Черноморской и Батумской губерний, до границы с Турцией.

В эту же категорию входил *Азовский морской район* – южное побережье Азовского моря и Керченский пролив.

На фоне трехкратного сокращения суммарной добычи рыбы в Азовском и Черном морях в начале XX в. у берегов Крыма в Черном море (Севастополь, Ялта, Феодосия) рыбный промысел бурно развивался. Только в 1904 г. в районе Феодосии было добыто 32 тыс. пудов (около 525 т) белуги, а всего в водах Крыма – 60 тыс. пудов (982.8 т).

Кроме того, промысел камбалы, существовавший на Черном море с древних времен, с середи-

ны XIX столетия приобрел здесь самостоятельное значение по всему северному побережью, а в конце века – и на побережье Кавказа. До 1914 г. лов камбалы ставными сетями и наживными крючьями был одним из самых развитых в Черноморском бассейне. Довоенные годовые уловы у побережья Крыма достигали (500–600 т), у северо-кавказского побережья – до 800 т, у берегов Грузии – до 400 т, а в северо-западной части моря – до 250–300 т. Общий ежегодный вылов камбалы в черноморских водах России до начала Первой мировой войны составлял 2 тыс. т [14].

Общий улов кефали в это время составлял 80–85 тыс. пудов (1.3–1.4 тыс. т), из которых половину давал Тарханкутский район. В Керченском и Севастополь-Балаклавском районах вылавливали такое же количество султанки (см. таблицу). По западному и южному берегам Крыма успешно (до 70 тыс. пудов – 1.2 тыс. т) вылавливали скумбрию. Здесь же добывали до 40 тыс. пудов в год (655 т) красной рыбы. Только в Керченском районе ловили до 70 тыс. пудов бычков (3/4 суммарного вылова), 15 тыс. пудов (245.7 т) тюльки и атерины. Остальные рыбы: ставрида, пелагида, горбыли, сарган и прочие виды давали до 40–50 тыс. пудов (655–820 т) улова в год.

К началу Первой мировой войны в Северном Причерноморье ежегодно вылавливали от 20 до 27 тыс. т рыбы (1913 г.), из которых 75% приходилось на Керченский участок, а 12% – на Севастопольский (Балаклава) (см. таблицу). При этом среднегодовой вылов хамсы составлял 7–8 тыс. т, далее следовали выловы сельди, кефали и султанки. Таким образом, к этому моменту на всем крымском побережье стал развиваться промысел так называемых “малоценных” видов.

Тарханкутский рыбопромысловый район. Для этой части северо-западного шельфа Черного моря в начале XX в. наибольшее значение имели скумбрия, кефалевые, осетровые и камбаловые породы рыб. Несмотря на то, что в дореволюционное время промысел скумбрии велся по всему побережью Черного моря, максимального развития он достигал в северо-западной мелководной его части (**Одесский рыбопромысловый участок**). Массовые подходы рыбы к берегу здесь наблюдались с начала июня. В течение лета и осени скумбрия образовывала плотные промысловые скопления в местах нагула – вдоль берега от взморья Днепра до Тендровской косы (приустьевой район Днепра). В 1908 г. из общей суммы доходов России, полученных от рыболовства в этом районе – 1 771 600 рублей, промысел скумбрии дал 65%.

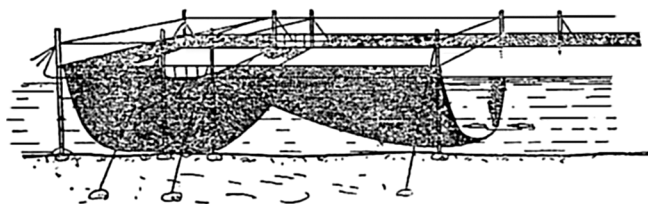

Рис. 6. Южная скипасть – мешок на кольях (“казан”), разделенный пополам стенкой (“дорогой”), закрепленной на берегу [3].

До 1915 г. основными орудиями лова здесь были “кефалевые заводы” и “скипасты” (рис. 6).

Лиманы северо-западной части моря. В начале XX в. здесь продолжалось пастбищное кефалеводство. При этом уже в 1903 г. в Шаболатском лимане количество ериков увеличилось со 100 до 230, в каждом из которых осенью вылавливали до 60 тыс. шт. кефали, а общий вылов в этом году составил примерно 1.3–1.4 тыс. т [19]. С 1909 по 1914 г. здесь действовало до 150 ериков, в которых вылавливали в среднем до 250 т рыбы в год – 80 кг/га. При этом в теплые зимы в уловах преобладал лобан, а в холодные – сингиль [8]. В некоторых лиманах этого района вылавливали до 2–4 т кефали – рыбопродуктивность здесь достигала в отдельные дореволюционные годы до 130–270 кг/га.

В феврале 1917 г. при строительстве железной дороги все ерики Шаболатского лимана были засыпаны и лишь через один был построен железнодорожный мост. В результате осенью здесь выловили всего 25 т кефали [22].

Севастополь-Балаклавский район. В начале XX в. промысел здесь велся различными орудиями: неводами, скипастями, мережами, сетями и наметам (круглая сеть с грузилами по периметру) – характерными только для Южного берега Крыма. Невода здесь применялись редко – из-за узости и крутых склонов шельфа. На всем побережье от Севастополя до Феодосии в 1911 г. работали 250 лодок, 3 кефальных завода, 25 скипастей, а лов производили 1500 рыбаков. Кроме того, здесь промыслили сетями и крючьями около сотни турецких фелюг (до 500 рыбаков) [1].

В Керченском районе основным орудием лова был невод – более 200 шт., из них 60 больших, заводившихся от берега на расстояние до двух верст (более 2 км). Широко применялись и ставные сети (в 1913 г. их было до 5000 шт.), с 1905 г. стали использовать и аламань – прототип современного кошелькового невода для облова “настоящей” рыбы (рис. 7). В лове участвовали также два кефалевых завода, а на севере пролива – в его азовском устье, выставлялось до 2 млн крючьев для

красноловья. Всего в течение года здесь работало около 3000 человек [1].

В 1906–1913 гг. из вывозимой за пределы Крыма рыбной продукции на первом месте стояла хамса – 450–500 тыс. пудов (7.4–8.2 тыс. т), или 41–45% всего крымского улова. Из них Керчь производила этой рыбы 50–60% от суммарной продукции, Севастополь-Балаклавский район давал 25–30%, а Феодосийский – 15–20%. Таким образом, промысловый лов хамсы, начавшийся только в 1890-х гг., за 20 лет вышел в России на первое место по весу улова среди всех видов черноморского рыболовства [1].

Второе место по весу и первое по стоимости улова в дореволюционный период занимала сельдь – 200 тыс. пудов (3.3 тыс. т), из которых 150–160 тыс. пудов (2.5–2.6 тыс. т) давал Керченский пролив. С 1886 по 1918–1920 гг. уловы сельди возросли от 8–12 до 30 млн шт.

С 1908–1913 гг. в прибрежных водах сначала восточной части Черного моря, а затем и в районе Одессы и на побережье Крыма, на фоне катастрофического упадка здесь традиционного промысла скумбрии, появился будущий объект массового черноморского промысла – пелагида (*Sarda sarda*). Ее пребывание в Черном море фиксировал еще П.С. Паллас в 1811 г. Л.С. Берг так описывал появление этой рыбы: “Весной 1910 г. пелагида появилась во множестве на Кавказском побережье моря... она наводнила побережье, массами выбрасывалась на берег, шла на сушку и в пищу. Раньше этой рыбы здесь не ловили потому, что название ее было неизвестно рыбакам” [2].

В журнале “Вестник рыбопромышленности” сообщалось: “Пелагида изредка встречается в Черном море, но летом 1911 г. в северо-западной части моря она ловилась массами. Из Черного моря пелагида прошла в Азовское, где ловилась в изобилии” [4]. В послереволюционные годы – в периоды очередного массового захода в Черное море (1922–1923 гг.) и

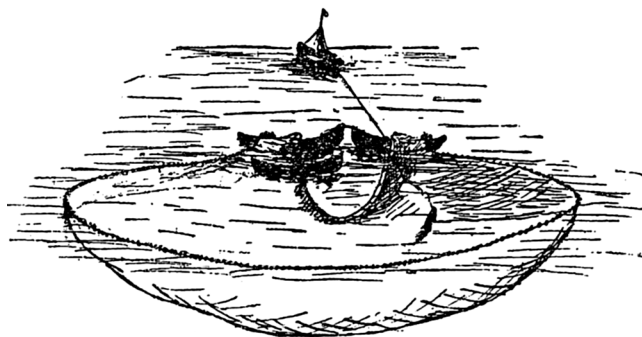

Рис. 7. Лов аламаном: длина верхней подборьы 750–800 м, высота стенки до 85 м [6].

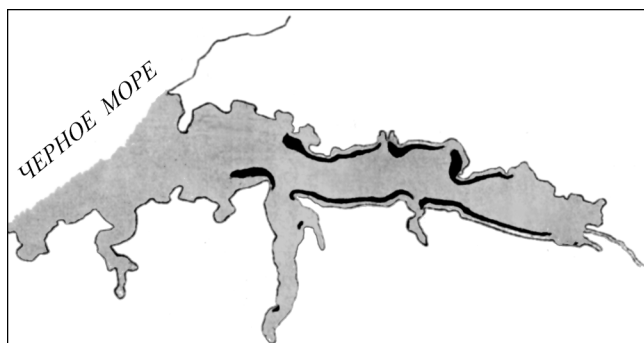

Рис. 8. Распределение устричных банок (черная штриховка) в Севастопольской бухте в начале XX в. [7].

(1933–1934 гг.), пелагида занимала первое место по запасам и ценности [11].

Кроме рыбного промысла, в первой половине XX в. рыбопромысловые организации Черноморского бассейна начали изучать распределение и состояние запасов промысловых популяций устриц. В 1920–1930-х гг. в США уже добывали ежегодно по несколько десятков млрд шт. устриц. В Европе устричный промысел в это время был наиболее развит во Франции – 1.5 млрд шт. в год. Добыча устриц в десятки млн шт. велась также в Италии, Голландии, Англии, Германии, Дании, Норвегии [9]. В отличие от рыбы, мясо устриц содержит не только жир (2%), но и легкоусвояемый питательный углевод (в среднем 6%) – гликоген, который еще называют “животный сахар”, а также значительно больше, чем в рыбе, витаминов “В” и “С” [16].

В конце XIX – начале XX вв. в Черном море на устричных банках северо-западного шельфа (Каркинитский залив), южного берега Крыма (Севастополь) (рис. 8), побережья Кавказа (Гудаута) бесконтрольно добывалось от 5 до 12 млн шт. устриц. В Севастополе, Хорлах (Каркинитский залив) работали “устричные заводы”, где моллюски выдерживались в садках “для накопления жира”. Но с 1914 г. промысел был прекращен, а развитие культуры устриц в России – остановилось [17].

Суммарный вылов в Азово-Черноморском бассейне в 1911 г. составил более 44 тыс. т (по другим оценкам – до 80 тыс. т). Из них на долю Крыма приходилось больше 16.38 тыс. т, северо-западной части – 9.8–13.1 тыс. т, Азовского моря и Керченского пролива – 19.7–24.6 тыс. т. В пересчете на душу населения Крыма (809 тыс. человек по переписи 1917 г.) это получается 24.6 кг – в 1.5 раза больше, чем добывалось на одного жителя СССР в 1980-е годы – период расцвета советской рыбной отрасли.

Выводы. 1. С момента падения Крымского ханства и присоединения Крыма к Российской Империи (1783 г.) до начала XX в. государственного

рыболовства в Черном море практически не существовало. Промысел велся в прибрежной зоне, стихийно, примитивными орудиями лова.

2. Первое описание рыб южно-русских морей (94 вида) выполнил в 1793–1794 гг. российский академик П.С. Паллас.

3. Основными районами частного кустарного российского рыбного промысла в Черном море во второй половине XIX – начале XX вв. были:

- Килийское гирло Дуная (осетровые, сельдь);
- лиманы северо-западной части моря с пастбищным кефалеводством;
- северо-западная часть моря (скумбрия, кефаль – Одесса, Очаков);
- юго-западное (Севастополь) и южное (Ялта) побережья Крыма (белуга, кефаль, камбала-калкан, барабуля);
- Керченский пролив.

4. В 1910 г. для учета и контроля за промыслом было впервые предложено деление рыболовных угодий на “районы большого и малого рыболовства”. В первых – ловили рыбу для продажи по всей стране, во вторых – только для местного потребления.

5. Общий вылов рыбы в Азово-Черноморском бассейне в 1911 г. составил более 44 тыс. т, или 24.6 кг на душу населения Крыма.

6. К началу XX в. на побережье Крыма ежегодно вылавливали от 20 до 27 тыс. т рыбы, из которых 75% приходилось на Керченский участок, а 12% – на Севастопольский (Балаклава). При этом среднегодовой вылов хамсы составлял 7–8 тыс. т, далее следовали выловы сельди, кефали и султанки – на всем крымском побережье стал развиваться промысел так называемых “малоценных” видов.

7. В результате стихийного, бесконтрольного частного промысла ежегодный вылов рыбы в Черном море к началу Первой мировой войны упал с 47 до 10 тыс. т по сравнению с ее добычей в конце XIX в., а в Азовском в 1913 г. он сократился по сравнению с 1893 г. почти в 3 раза – с 90 до 35 тыс. т.

8. На фоне трехкратного сокращения суммарной добычи рыбы в Азовском и Черном морях, в начале XX в. в Черном море у берегов Крыма рыбный промысел бурно развивался.

9. В 1906–1913 гг. из вывозимой за пределы Крыма рыбной продукции на первом месте стояла хамса – 41–45% всего крымского улова. Промысловый лов хамсы, начавшийся только в 1890-х гг., всего за 20 лет вышел в России на первое место по весу улова среди всех видов черноморского рыболовства.

Второе место по весу и первое по стоимости улова в дореволюционной России занимала сельдь.

10. До 1914 г. в Черном море на устричных банках северо-западного шельфа, Севастопольских бухт, побережья Кавказа в царской России добывали от 5 до 12 млн шт. устриц. С 1914 г. промысел был прекращен, а развитие культуры устриц в России на Черном море остановилось.

11. В 1908–1913 гг. в прибрежных водах западной и северо-западной частей моря, у побережья Крыма и на востоке моря отмечался также катастрофический упадок традиционного промысла скумбрии. При этом здесь впервые были отмечены массовые подходы пелагиды, которая в послереволюционный период заняла в черноморском рыболовстве первое место по запасам и ценности.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-50-00095.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.И. Крымское рыболовство / Рыбное хозяйство (под ред. В.И. Мейснера). Кн. II. М.: Главрыба, 1923. С. 133–162.
2. Берг Л.С. Массовое появление пелагиды у восточных берегов Черного моря // Ежегодник Зоологического музея Академии наук. СПб.: Типогр. Императ. Акад. Наук, 1911. С. 4–9.
3. Бобров А. Скипасть на Белом море // Рыбное хозяйство СССР. 1934. №5. С. 19–21.
4. Вестник рыбопромышленности. 1911. Т. XXVI. № 7–8–9. С. 23–27.
5. Данилевский Н.Я. Исследование о состоянии рыболовства в России. Т. VIII. Описание рыболовства на Черном и Азовском морях. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп. 1871. 316 с.
6. Данилевский Н.Н. Опыт механизации тяги дельфиньего аламана // Рыбное хозяйство СССР. 1932. № 7. С. 28–29.
7. Зернов С.И. К вопросу об изучении жизни Черного моря. Зап. АН. 1913. Вып. XXXII. № 1. 300 с.
8. Иентич В.И. Предварительный отчет по командировке на западное побережье Черного моря для исследования рыболовства в 1909 – 1914 гг. Матер. к познанию русского рыболовства. Т. 3. Вып. 8. С. 158–176.
9. Кичагов А. Об организации устричного дела в СССР // Рыбное хоз-во. 1938. № 4–5. С. 21–22.
10. Кораблев Н.П., Сиряков В.И. Крым с Севастополем, Балаклавою и другими его городами. С описанием рек, озер, гор и долин; с его историей, жителями, их нравами и образом жизни. СПб.: Изд-во Эдуарда Веймара, 1855. 192 с.
11. Кротов А. Пелагида в Черном море // Рыбное хоз-во. 1938. № 2. С. 15–19.
12. Куманцов М.И. Возникновение и развитие рыболовства Северного Причерноморья. Ч. I. (от древности до начала XX в.). М.: Изд-во ВНИРО, 2011. 236 с.
13. Люксембург В. Очерк рыболовства у берегов Севастопольского градоначальства / Вестн. рыбопромышленности (под ред. О.А. Гримма), 1890. № 2. СПб.: Типогр. В. Демакова. С. 49–56.
14. Марти А., Баршев А. Современное состояние и перспективы развития камбального промысла в Черном море // Рыбное хоз-во. 1935. № 8. С. 21–25.
15. Мейснер В.И. Основы рыбного хозяйства / Рыбное хозяйство (под ред. В.И. Мейснера). 1923. Кн. III. М.: Главрыба. С. 3–22.
16. Никитин В.Н. Устрицы Черного моря и их промысловое значение // Рыбное хоз-во. 1940. № 10. С. 15–17.
17. Никитин В.Н. Устрицы, мидии и креветки как объекты промысла в Черном и Азовском морях // Рыбное хозяйство СССР. 1933. № 3. С. 17–21.
18. Расс Т.С. Рыбные ресурсы Черного моря и их изменения // Океанология. 1992. Т. 32. Вып. 2. С. 293–302.
19. Семаков Н.М. Рыболовство в устье Днестровского лимана и Шаболатском озере // Бессарабское сельское хозяйство. 1909. № 7. С. 36–54.
20. Чепалыга А.Л. Палеоэкологические реконструкции древних бассейнов / Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет (ред. А.А. Величко). М.: “ГЕОС”, 2002. 232 с.
21. Чесноков М. Перспективы развития рыбной промышленности в южных водоемах. Рыбное хоз-во. 1937. №12. С. 6–8.
22. Шеек В.А., Куликова Н.И. Марикультура рыб и перспективы ее развития в Черноморском бассейне. Киев: КНТ, 2005. 308 с.
23. Старый Севастополь https://www.google.ru/search?q=%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C&newwindow=1&client=ubuntu&hs=4kl&channel=fs&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwjAwabPhZjLAhWoQJoKHfBtAoQ_AUICCGC&biw=1323&bih=645
24. Старая Ялта https://www.google.ru/search?q=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%8F+%D0%AF%D0%BB%D1%82%D0%B0&newwindow=1&client=ubuntu&hs=gAh&channel=fs&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwivM3ghpJLAhWnK5oKHf6bAvUQ_AUIBygB&biw=1323&bih=645
25. Старая Керчь https://www.google.ru/search?q=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%8F+%D0%9A%D0%B5%D1%80%D1%87%D1%8C&newwindow=1&client=ubuntu&hs=bsl&channel=fs&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwi8h5Suh5jLAhUkM5oKHYYYBIkQ_AUICCGC&biw=1323&bih=645#imgcr=6TWc8iH4SQBdM%3A

Fishery Geography of the Russian Empire in the Black Sea

D.Ya. Fashchuk¹ and M.I. Kumantsov²

¹*Institute of Geography, Russian Academy of Science, Moscow, Russia*

²*All-Russian Research Institute of Fisheries and Oceanography, Moscow, Russia
e-mail: fashchuk@mail.ru*

The article presents the retrospective historical analysis of the development of fisheries in the Black Sea in Russia since the fall of the Crimean khanate in 1783 to 1917 and analyzes the structure and species composition of commercial biological resources of the Black Sea. The geography, catch composition, scale and fishing methods during spontaneous (consumer-oriented) fisheries were investigated. The comparative analysis of its quantitative and qualitative characteristics in the main fishing areas of the northern Black Sea and off the Caucasian coast was carried out. It was noted that by the end of the 19th century the annual Russian catch in the Black Sea reached up to 40000 tons of valuable fish species (mackerel, sturgeons, herring, mullets, surmullet). By 1914, due to absence of fishery regulation the total annual catch fell down to 10000 tons. At the same time, fisheries of the “low-value” species began to develop along the entire Crimean coast. In 1906–1913, extraction of anchovy came in first place by catch weight among all fishery types.

Keywords: Black Sea, fisheries, Russian Empire, geography of fisheries, catch weight, species composition of catch.

doi:10.15356/0373-2444-2016-4-128-139